

1908–1915

* * *

Проснулась улица. Глядит, усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.

Покрыты инеем деревья черные, —
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.

Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.

Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это — сон!

Март 1908

КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Не изменившие друзья
В потертом, красном переплете.

Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
— Уж поздно! — Мама, десять строк!..
Но, к счастью, мама забывала.

Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана, Кюи
Я узнавала судьбы Тома.

Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...

Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.

Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...

Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник,
Британии печальны судьбы...
— О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?

О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

<1908–1910>*

В ПАРИЖЕ

Домá до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

* Даты, заключенные в угловые скобки, являются предположительными.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана,
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый привет.

Там чей-то взор печально-братский,
Там нежный профиль на стене.
Rostand, и мученик Рейхштадтский,
И Сара — все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Июнь 1909

Париж

ПЛОХОЕ ОПРАВДАНИЕ

Как влюбленность старо,
как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь,
превращает наш храм.

О мучительный стыд
 за вечернее лишнее слово!
О тоска по утрам!

Утонула в заре голубая,
 как месяц, трирема,
О прощании с нею
 пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает
 наш сад из Эдема...
Как влюбленность — старо!
Только ночью душе
 посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу,
 от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь,
 про нежное чудо:
Свет и чудо — враги!

Твой восторженный бред,
 светом розовых люстр золоченный,
Будет утром смешон.
 Пусть его не услышит рассвет!
Будет утром — мудрец,
 будет утром — холодный ученый
Тот, кто ночью — поэт.

Как могла я, лишь ночью живя
и дыша, как могла я
Лучший вечер отдать
на терзанье январскому дню?
Только утро виню я,
прошедшему вздох посылая,
Только утро виню!

1909–1910

ОНИ И МЫ

Героини испанских преданий
Умирили, любя,
Без укоров, без слез, без рыданий.
Мы же детски боимся страданий
И умеем лишь плакать, любя.
Пышность замков, разгульность охоты,
Испытанья тюрьмы, —
Всё нас манит, но спросят нас: «Кто ты?»
Мы согнать не сумеем дремоты.
Мы сказать не сумеем, кто мы.

Мы все книги подряд, все напевы!
Потому на заре
Детский грех непонятен нам Евы.
Потому, как испанские девы,
Мы не гибнем, любя, на костре.

СЛЕДУЮЩЕЙ

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика, баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятым не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат.
Коснись его движением сестер.
Но если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовишный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнию не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

<1909–1910>

* * *

На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!
Чтоб только не видел ваш радостный взор
Во всяком прохожем судью.

Бегите на волю, в долины, в поля,
На травке танцуйте легко
И пейте, как резвые дети шала,
Из кружек больших молоко.

О, ты, что впервые смущенно влюблен,
Доверься превратностям грез!
Беги с ней на волю, под ветлы, под клен,
Под юную зелень берез;

Пасите на розовых склонах стада,
Внимайте журчанию струй;
И друга, шалунья, ты здесь без стыда
В красивые губы целуй!

Кто юному счастью прошепчет укор?
Кто скажет: «Пора!» забытью?
— На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

Шолохово, февраль 1910

ОБА ЛУЧА

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
Луч серебристый молился, а яркий
Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
Каждую искорку, сердце, лови!
В каждой молитве — любовь, и молитва —
В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче
Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе —
Оба луча!

Weisser Hirsch, лето 1910

ОСУЖДЕННЫЕ

Сестрам Тургеневым

У них глаза одни и те же
И те же голоса.
Одна цветок неживше-свежий,
Другая луч, что блещет реже,
В глазах у третьей — небо. Где же
Такие встретишь небеса?
Им отдала при первой встрече
Я чайные свое.
Одна глядит, как тают свечи,
Другая вся в капризной речи,
А третьей так поникли плечи,
Что плачешь за нее.

Одна, безмолвием пугая,
Под игом тишины;
Еще изменчива другая,
А третья ждет, изнемогая...
И все, от жизни убегая,
Уже осуждены.

Москва, осень 1910

ИСПОВЕДЬ

Улыбаясь, милым крошкой звали,
Для игры сажали на колени...
Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А они упряма для забавы
Целовали!

В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
«Ты поэт у нас! В кого ты вышел?»
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне клонился в темных косах
Лик Татьяны!

На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
«Если да, — зачем же мучить ложью?
Если нет, — зачем же целовали?»
А они с улыбкою давали
Мне конфеты.

ОЧАГ МУДРЕЦА

Не поэтом он был: в незнакомом
Не искал позабытых созвучий,
Без гнева на звезды и тучи
Наклонялся над греческим томом.

За окнами жизнь засыпала,
Уступала забвенью измена,
За окнами пышная пена
За фонтаном фонтан рассыпала.

В тот вечер случилось (ведь — странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула неожиданно.

И комната стала каютой,
Где душа говорит с тишиною...
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волнением и смутой.

Дорогие, знакомые виды
Из рам потемневших кивали,
А за окнами там проплывали
И вздыхали, пlying, Нереиды.

* * *

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

<1911>

НА ВОКЗАЛЕ

Два звонка уже и скоро третий,
Скоро взмах прощального платка...
Кто поймет, но кто забудет эти
Пять минут до третьего звонка?
Решено за поездом погнаться,
Все цветы любимой кинуть вслед.
Наимладшему из них тринадцать,
Наистаршему под двадцать лет.

Догонять ее, что станет силы,
«Добрый путь» кричать до хрипоты.
Самый младший не сдержался, милый:
Две слезинки капнули в цветы.
Кто мудрец, забыл свою науку,
Кто храбрец, забыл свое: «Воюй!»
«Ася, руку мне!» и «Ася, руку!»
(Про себя тихонько: «Поцелуй!»)
Поезд тронулся — на волю Божью!
Тяжкий вздох как бы одной души.
И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

*Брестский вокзал,
3 декабря 1911*

ПУТЬ КРЕСТА

Сколько светлых возможностей ты погубил,
не желая.
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих
звезд.
Лучезарного дня после стольких мучений
ждала я,
Получила лишь крест.